

ВРЕМЯ ***SUPER*** ГЕРОЕВ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

КРАСНЫЕ
ЗВЕЗДЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-86

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художник — *Иван Хивренко*

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Компьютерный дизайн — *Андрей Смирнов*

Зорич, Александр.
З-86 Красные звезды : [фантастический роман] / Александр Зорич. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Время SUPER героев).

ISBN 978-5-17-103237-1

Владимир Пушкарев и Константин Уткин – два друга не разлей вода, любители опасностей и адреналиновых встрясок. И работа у них – под стать горячим натурам: экстремальные пожарные. Тушение аварийных реакторов, спасение людей из аномальных зон в секретных институтах...

Казалось бы, человека на такой работе уже ничем не прошибешь. Но однажды после взрыва на Троицком термоядерном стеллараторе Владимир и Константин увидели нечто такое, что полностью перевернуло их представления о реальности. Такое, что заставило их немедленно уйти из пожарных открыло дорогу к звездам, привело в самую секретную организацию на Земле – Космодесант...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103237-1

© Зорич А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

ОСОБЫЙ СПАСАТЕЛЬНЫЙ РАСЧЕТ «ТОВАРИЩ»

Титановое брюхо транспортного самолета Ту-244 было очень вместительным, но всё же командирская машина ГАЗ «Барс» и три инженерно-спасательных танка «Армата-ИС» со смонтированными на месте штатных башен пожарными лафетами умудрились занять его почти целиком. В оставшемся свободным аппендиксе сгорбились на алюминиевых сиденьях восемнадцать фигур в разноцветных огнеупорных комбинезонах.

Двенадцать желтых комбинезонов — экипажи танков «Армата-ИС» и спасатели-оперативники.

Четыре белых комбинезона — медики. Эти держались особняком и казались какими-то особенно нервными.

Семнадцатый (черный комбинезон) был водителем командирского «Барса», восемнадцатый (оранжевый) — командиром.

Спасатели, в отличие от бледных медиков, держались бодро: шутили, смотрели какое-то видеоблахла на гаджетах, истязали челюстями жевательные резинки. Ну а мы с Костей Уткиным, также известным в сталкерских кругах как Тополь, делили на двоих шоколадный батончик «Три медведя».

Ну то есть как «делили»... В тот момент, когда Костя уже поднес батончик ко рту, я просто отломал у него половину.

— Нет, ну ты вообще! — Мой друг возмущенно отстранился. — Я же возле автомата спрашивал: тебе брать или нет? Ты сказал: «нет». Было?

— Тогда не хотелось. А теперь вот захотелось. — Я не считал нужным искать себе особых оправданий.

— Всё понятно. От мандража на хавчик пробило, — с видом бывшего резюмировал Костя.

— Меня как раз на хавчик никогда не тянет со страху. Да и чего бояться? Мы ведь только...

Но закончить свою глубокую мысль я не успел. Меня прервал наш командир, несгибаемый борец с пожарами пятого и шестого классов (электроустановки под напряжением, ядерные материалы), укротитель стихий и природных катаклизмов Геннадий Воловик. Кавалер ордена Мужества, между прочим.

— Так, население, ну-ка быстро прекратили жевать! Уточненные данные пришли. Взрыв произошел в корпусе «Т». И взорвалось там не что-нибудь, а стелларатор «Лавина».

— Стелла... кто? — наморщил лоб Уткин.

— Стелларатор — это такой реактор, — отчеканил Воловик. — В котором происходит термоядерный синтез.

«Реактор?!», «Хорош подарочек!», «Еще один Чернобыль?!» — читалось на лицах наших с Костей коллег.

Но лично я вздохнул с облегчением. Ведь я все-таки на физика учился. Когда-то.

Я твердо знал: в отличие от «грязных» атомных котлов вроде тех, что взорвались на приснопамят-

ной японской Фукусиме, новые термоядерные реакторы вполне «чистые». Заражения от них почти никакого быть не может. Ну разве что тепловая мощность самого взрыва большая.

Ну так он-то уже был, взрыв, чего теперь бояться? Подъедем к очагам горения под броней, зальем пожар пеной — и вся любовь.

Однако дальнейшие вводные от отца-командира всё же заставили меня занервничать.

— Мощность взрыва составила — оценочно — треть килотонны. Из-за этого имеем огромные разрушения, сплошной вывал леса в окрестностях, множественные очаги пожаров. Но главное: взрыв спровоцирован неким экспериментом. Каким именно? Товарищи ученые, как всегда, темнят, недоговаривают. Однако нам обещаны — помимо пожара и завалов — также радиация и другие спецэффекты.

— Например, какие? — спросил желтолицый, как китаец, водитель Петренко из третьего экипажа.

— Например, электромагнитные аномалии.

Уткин поглядел на меня со значением. Я едва заметно кивнул. Вспомнилась сталкерская песня «Если хочешь быть отцом — оберни конец свинцом».

Годы, проведенные в Чернобыльской Зоне Отчуждения, научили нас тому, что «электромагнитные аномалии» — это такой вроде бы безобидный эвфемизм, за которым может скрываться любая смертоносная напасть. И стометровый столп всепожирающей плазмы, и ослепительно синий стилет миллионвольтного разряда, протыкающий метр железобетона с той же легкостью, с какой свет проходит сквозь воздух...

Впрочем, там же, в Чернобыле, мы твердо усвоили: на всякую аномалию найдется свой болт с обратной нарезкой...

Совсем забыл вам рассказать, куда же это мы на Ту-244 летели.

С рассветом нас подняли по тревоге в казармах особого спасательного расчета «Товарищ» МЧС РФ, расположенных на авиабазе Раменское.

(Что мы, бывшие охотники за артефактами, делали в этих казармах, спросите вы? Ответим: мы там спали. Потому что служба есть служба. А почему мы были на службе? Потому что рано или поздно всем сорвиголовам хочется зарплаты, соцпакета и военной ипотеки.)

Информации тогда, на рассвете, был минимум. Что-то стряслось в ЦИВЭ — Центральном Институте Высоких Энергий имени академика Зубоноса, который расположен близ села Троицкое под Екатеринбургом.

Ясно, что это «что-то» — не мордобой пьяных аспирантов, а пожар.

Также ясно, что и не обычный пожар. Ведь на Урале своих пожарников навалом. Если почему-то начальство решило разбудить нас — элитный отряд спасателей МЧС центрального подчинения — и гнать через полстраны новейшим сверхзвуковым транспортником, значит, дело пахнет керосином...

Так и оказалось.

Вскоре Воловик сообщил, что есть погибшие: шесть сотрудников ЦИВЭ. Кроме того, местоположение еще девятнадцати человек не установлено. Часть из них, вероятнее всего, погибла. Кто-то — ле-

жит под завалами, отрезан от внешнего мира очагами горения. И вот среди этих-то несчастных числится мировое научное светило, лауреат Госпремии, физик-экспериментатор Номер Один профессор Тимофеев Аркадьевич Перов.

— Начальство рычит, требует спасти этого Перова первым. И в скорейшие сроки, само собой, — сказал Воловик, сделав каменное лицо.

Было видно, что просьбу начальства он лично считает по меньшей мере этически сомнительной, но донести ее до подчиненных — его обязанность.

— А «скорейшие сроки» означают, что времени на посадку и марш к месту аварии у нас нет. Мы десантируемся парашютным способом.

«Чего-о-о-о?!!» — переспросили у командира наши квадратные глаза.

Что же до восьмиугольных очей медиков, то они и вовсе вопили о немедленном, досрочном уходе из рядов МЧС по собственному желанию. К черту соцпакет, ипотеку, мама, роди меня обратно!

— Парашютным способом, — повторил Воловик и специально для медиков пояснил:

— Бояться тут нечего. Ни за какое кольцо вам тянуть не придется. Займете отсеки для носилочных раненых в инженерных танках. Пристегнетесь, и... И — всё. За все перемещения в воздухе десантируемого поддона с танком будет отвечать многокупольная парашютная система, которой управляет бортовой компьютер.

— А как мы узнаем, что приземлились? — спросил интерн, похожий на цыпленка из супермаркета, которого десять минут назад положили в раковину размораживаться.

— А вы что-нибудь еще глупее не могли просить?! — рявкнул Воловик и отправился в кабину самолета согласовывать с летунами координаты точки сброса.

Зловещее это было зрелище: горящий в тумане еловый лес.

Чад, дым и гарь смешивалась с испарениями серых, осевших по весне сугробов, и было уже не разобрать: где небо, где лес, где земля.

Наш инженерный танк то и дело зарывался в хляби, его гусеницы крошили в щепу дымящиеся стволы, движок надрывался как неродной, но всё же мы продвигались, и продвигались довольно быстро...

— Пушкарев, доложите обстановку, — потребовал Воловик по рации.

Если кто забыл, Пушкарев — это как раз я. Комбатом-то меня называют, так сказать, неофициально и в последнее время всё реже. А для начальства я — старший спасатель-оперативник Владимир Сергеевич Пушкарев.

— Сели штатно. Экипаж в норме. До вестибюля корпуса «Т» восемьсот метров. Прогноз прибытия — плюс пять минут.

— Мы тут на «Барсе» завязли. Но главное — нет связи с «семнадцатым» и «двадцатым», — в голосе Воловика явственно слышалась обеспокоенность. — Не видишь их, случаем?

Две другие машины нашего расчета — бортномер «17» и бортномер «20» — приземлились еще ближе к фронту пожара, чем мы. Опавшие парашюты их десантных поддонов загорелись в ту секунду, когда

я только поднял механизированные шторы на электронно-оптических визирах нашей машины.

Но за экипажи я лично не переживал. Я видел, как обе «Арматы-ИС» сошли с десантируемых поддонов и двинули к ограде ЦИВЭ.

Правда, через полминуты я потерял их в дыму и тумане. Но был уверен: найдутся, чай, не маленькие.

Всё это я доложил Воловику. Но командир моим оптимизмом почему-то не заразился.

— Ладно. Ты давай, спасай профессора Перова... Но если сможешь, отпусти свою машину на поиски «семнадцатого» и «двадцатого».

— Погляжу по ходу пьесы, — уклончиво ответил я.

Наш инженерный танк протаранил секцию забора с грозным щитом «Стой! Охрана стреляет без предупреждения!» и, намотав на гусеницы пятьдесят метров колючей проволоки, лихо затормозил у самых ступенек парадного входа в корпус «Т».

— Такси подано! — браво оттрапоровал Звездич, мехвод.

Вениамин Чернышёв, главный огнеборец нашего инженерного танка, доложил вторым:

— Все системы пожаротушения готовы. С чего начинаем?

Медику Бурову, который всё еще лежал пристегнутым в десантном отделении, сейчас меньше всего на свете хотелось что-то говорить. Но он нашел в себе силы выдавить:

— Готов к выходу. Кого лечим?

Но мне было совсем-совсем не до Бурова. Требовалось определиться с куда более важными темами: как? где? когда?

Вообще-то невооруженным взглядом было видно, что полуразрушенный корпус «Т», грустно взирающий на лес десятками пустых оконных проемов (все стекла были выбиты взрывом или полопались от жара), может и должен быть охарактеризован ёмкой формулой «тушение нецелесообразно».

Но, собственно, задача потушить пожар нам и не ставилась. От нас требовалось эвакуировать за пределы опасной зоны профессора Перова...

Однако легко сказать «эвакуировать». Как эвакуировать? Везде огонь!

Или все-таки не везде?..

— Мужики, — сказал я задумчиво, — беру две минуты на оценку обстановки. Можете пока перекурить.

И я вперился в мониторы, надеясь получить подсказки от приборов, нащупать проход в нужную нам точку...

Забыл поделиться важным: за три минуты до десантирования мы узнали где именно отсиживается профессор Перов. Ушлый физик умудрился найти обычный, проводной телефон (мобильная связь почему-то не работала во всем районе), дозвонился в родное Уральское отделение Академии наук и сообщил: ищите меня в медпункте, в восточном крыле корпуса «Т».

В восточном крыле? Да.

Дело в том, что — подсказывала схема, сброшенная из оперштаба МЧС, — стелларатор «Лавина» был устроен следующим образом.

Рабочая часть самого реактора располагалась в огромном забетонированном котловане. При взгляде сверху он имел очертания ударной части теннисной ракетки. Грубо скажем — овала.

И вот уже этот овал, содержащий внутри себя стелларатор, был полуохвачен корпусом «Т». Какой корпус состоял из трех бетонных строений, соединенных торцами, что придавало ему в плане вид чего-то вроде толстой степлерной скрепки.

Если смотреть на вестибюль корпуса «Т» (а именно на него я и смотрел в ту минуту), искомая отогнутая часть «степлерной скрепки» располагалась справа и почти не была видна за густым черным дымом, валющим из окон фасада.

— Костя, вот что я предлагаю, — сказал я, обращаясь к Тополю, потому что именно с ним мне предстояло пробираться в восточное крыло. — Входим как белые люди, через вестибюль. Дальше поворачиваем направо. И, двигаясь по коридорам, идем в восточное крыло... Есть возражения?

— Есть.

— Ну.

— Я лично хочу подъехать туда на броне.

— Я тоже хочу. Но тут три момента. Первый: мы обязаны провести поиск пострадавших по маршруту следования...

— Ну допустим, — Костя вздохнул. — Но можно тогда...

— Не перебивай. Второй момент: Воловик просил отослать нашу броню на поиски «семнадцатого» и «двадцатого». И третий момент: ты когда-нибудь видел голубую траву в рост человека?

— Ну, может, во сне.

— А наяву видел? Так погляди!

С этими словами я перебрал на монитор Тополя картинку с камеры бортового обзора.

На картинке колосилась КЭМКА — комплексная электромагнитно-кристаллическая аномалия. Бирю-

зово-голубые острые шпаги, похожие на осоку, но, само собой, ничего общего с этим безобидным растением не имеющие, вздымались над поверхностью земли, такой же бирюзовой.

Довершая картину противоположного непотребства, из бирюзовых зарослей торчал длинный штырь арматурины, увенчанный дымящимся куском бетона. Желтого, как лимон.

И тут я наконец во всей полноте ощущений осознал, почему на это ЧП позвали не местных уральских пожарников, а нас, элитных спасателей. Здесь реально творилась чертовщина. Чертовщина, а никакой не «обычный пожар» после «сильного взрыва»!

— Мысль твою уловил, — сказал Костя. — Ну командуй тогда... Ты же у нас Комбат.

— Итак, Веня, — сказал я Чернышёву, — надо вжарить из всех пожарных мониторов по дверям вестибюля. Потом пауза двадцать секунд. Мы с Уткиным выгружаемся, входим в здание... Уже оттуда, из вестибюля, я дам дальнейшее целеуказание. Либо по радиации, либо сигнальной ракетой... Так что следи за окнами в оба.

— А я что делаю? — спросил Буров. Медик уже успел прийти в себя и рвался в бой. — Может, мне с вами надо? Раненых искать?

С Буровым я был едва знаком, поэтому держался формального обращения на «вы».

— Вы пока дежурите на месте. Идти с нами внутрь вам слишком опасно.

Когда я говорил всё это, я сам себе страшно нравился. Настоящий командир из старого советского фильма. Невозмутимый, вежливый, с хитринкой в голубых глазах.

Глава 2

ПОЛВЕДРА АДРЕНАЛИНА

Когда шипящие снежно-белые струи залили поlying vestibule и он оторвался облако зловещего зеленого пара, мы с Костей взлетели по горячим ступенькам и (я бросил беглый взгляд на счетчик Гейгера — норма!) ворвались внутрь.

Поскольку мы были экипированы в КАЗ — костюмы абсолютной защиты производства Челябинского комбината особизделий — и, стало быть, наши дыхательные циклы обеспечивались автономными кислородными аппаратами, то чувствовали мы себя достаточно уверенно.

Задохнуться — не получится. Получить ожоги — тоже вряд ли. Но если, не приведет господь, на нас рухнет потолок...

Вот почему на пороге мы замерли и лучи наших нашлемных фонарей первым делом метнулись вверх, проверить состояние перекрытий.

Всё черным-черно...

Черные колонны. Закутанный в копоть воздух. Черный пол.

И вдруг среди всеобщей черноты в лучах фонарей блеснула... человеческая фигура!

Я вздрогнул.

Кто этот дерзкий незнакомец, на которого не действует угарный газ? Спасатель-энтузиаст? Заблудившийся демон смерти?

Да нет, всего лишь статуя.

Мы с Костей подошли к фигуре поближе.

«Академик Зубонос А.А., отец российской термоядерной энергетики», — гласила табличка на постаменте.